

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

DOI: 10.17805/zpu.2018.1.24

Три в одном: Мироздание — Человек — Творчество

А. Э. ВОСКОБОЙНИКОВ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлен текст доклада автора на Всероссийской научной конференции «Культура между Логосом и Мифом: к проблеме бессознательного (к 80-летию А. Э. Воскобойникова)», которая прошла в Московском гуманитарном университете 26–27 октября 2017 г.

Ключевые слова: универсальная эволюция; философская антропология; психологическая антропология; философия творчества; культура; Логос; эволюционизм

Сфера моих основных научных интересов — *универсальная эволюция, философско-психологическая антропология и творчество*. Эти сюжеты взаимно переплетаются, причем не только потому, что существуют как явные, так и почти неуловимые связи всего сущего на Земле и в мироздании.

I. Принцип эволюционизма вовсе не сразу стал считаться универсальным. Но успешно развиваясь, он превратился в ведущий методологический принцип современной науки¹. Позволяя анализировать окружающий мир в предельно грандиозных масштабах, этот принцип демонстрирует, *каким образом* эволюционный процесс не только воспроизводит ранее существовавшее, но и как он рождает фундаментально новое в самых разнообразных сферах. Менее масштабные уровни универсальной эволюции представляют такие ее ветви, как космологическая, геологическая, биологическая, антропологическая и др. Они многопланово взаимодействуют между собой.

Так, фундаментальную связь между антропологическим и космическим развитием выражает *антропный принцип*: именно *наша* Вселенная словно эволюционно направлена путем некой «тонкой настройки» на появление в ней человека. Поддерживаю такую трактовку этого принципа, которая приводит к научно более приемлемому варианту: существуют бесконечно многообразные Вселенные с различными фундаментальными процессами и константами; в одной из них сложились как раз такие процессы и константы, которые подходили именно для появления земных форм жизни. В других вселенных реализуются иные «тонкие настройки».

По словам нобелевского лауреата С. Вайнберга, попытка понять Вселенную приподнимает жизнь человека над уровнем фарса и придает ей черты высокой трагедии. Но даже знаменитый А. Пуанкаре ошибался, считая Вселенную «изданной в одном экземпляре». Мироздание, скорее всего, включает неисчислимое множество бесконечно многообразных вселенных, независимых друг от друга, обладающих своими собственными временами-пространствами и закономерностями. Это *в них*, проваливаясь в «черные дыры», уходят вещество, энергия и информация из нашей Вселенной. Это *из них* через «белые дыры» прибывают вещество, энергия и информация в нашу Вселенную. В рамках современной космологии фундаментальной первоосновой для всех вселенных является физический вакуум. Напомню, что вакуум — это отсутствие частиц, а не положительной энергии. Подобная темная энергия — 74% от полной массы-энергии нашей Вселенной — поражающе однородно в ней распределена. При этом физические законы, скорее всего, можно считать самыми универсальными из всех закономерностей (хотя бы для пространства-времени и «начинки» нашей Вселенной).

Другое проявление универсальной эволюции в «человеческом измерении» таково. Квантовая физика позволяет рассматривать мир как *фрактальный*, т. е. такой, в котором отдельные фрагменты единого целого сохраняют образ, подобие и информацию о *самом целом*². Оказывается, существует определенная аналогия этому и в человеческом мире, когда некое специфическое малое воспроизводит некое большое, в которое включено. Так в биологическом развитии онтогенез воспроизводит филогенез, а в социально-историческом развитии — логическое воспроизводит историческое.

Благодаря принципу универсального эволюционизма невероятно возросла не только теоретическая, но и практическая значимость глобального прогнозирования. Особую озабоченность футурологов (и не только их) вызывает следующее. Чем сложнее и динамичней становятся современное общество и взаимосвязанная с ним природа, тем труднее прогнозировать их последующее развитие. Почему? На протяжении веков и тысячелетий *Настоящее* в основном детерминировалось *Прошлым*. В наше время все большую роль играет *самоопричинивание Настоящего* (своеобразный вариант Causa sui).

Но с дальнейшим развитием цивилизации и стремительным ускорением протекающих в ней процессов главным фактором все больше становится трудно постижимое фундаментальное *опричинивание Настоящего потенциальным поливариантным Будущим*. Уже менее фантастично звучат окрыляющие слова: «Настоящее начинается в Будущем»...

Генезис, беспредельно царивший в универсальной эволюции, начинает передавать значительную часть своих полномочий *телезису*. Современная телеология уже радикально не связана (как это было прежде) с традиционными религиозными доктринами. Она стремится глубже обосновывать эволюционные *целевые причины*, опираясь на новейшие разработки в рамках научной синергетики и близких с ней других областей науки. Особые трудности возникают в связи с так называемыми странными аттракторами³. Это непреодолимые области притяжения (затягивания), вовлекающие наш мир в совершенно неопределенные ситуации дальнейшего развития.

Настораживает то обстоятельство, что в необъятной Вселенной мы пока не находим ни «собратьев по разуму», ни следов более примитивных форм жизни.

И скорее всего это не только потому, что космические цивилизации исключительно редко возникают. Они могут возникать сравнительно часто. Но вероятно, они чрезвычайно редко выживают. И в этом далеко не всегда повинна жестокая мать-природа. Готов предположить, что в космических глубинах гибельные катастрофы нередко возникали и возникают под воздействием не только физических, но и тех или иных *социокультурных* факторов.

На дальнейшее успешное развитие земной цивилизации можно надеяться, лишь объединив человечество вокруг общепризнанных целей и идеалов, искоренив во всех общественных сферах ложь, стяжательство, культ насилия и неукоснительно реализуя знаменитое «золотое правило нравственности».

Чисто информационно-техногенный прогресс, не сопряженный с развитием нравственного потенциала, ориентированный прежде всего на необузданные бизнес-интересы и диктаторские режимы, ведет к неизбежной цивилизационно-культурной деградации. Пока цивилизация не достигла высокого уровня развития, она не опасна для себя. Она может безрассудно нарушать высокие нравственные принципы. Но, достигнув определенного уровня техногенного развития и продолжая их нарушать, она подводит себя к самоубийственному концу. Земная цивилизация подошла к черте, за которой уже недостаточны как современные знания, так и довольно распространенные ныне моральные нормы и ценностные ориентации. Свою недобрую лепту в формирование последних вносит массовая культура. Она зачастую воссоздает желаемый мир наподобие огромного аттракционного парка, в котором бурлят плотские страсти, развлекательные интриги, затейливые приключения, причем частенько во всем побеждают те, кто хитрее, изворотливее, беспринципней.

Универсальная эволюция, безусловно, стремится к максимальному многообразию. Но крайне важно, чтобы на нашей планете это вело не к конфликту цивилизаций, а к диалогу и сотрудничеству между ними. Культивировать многообразие, сохраняя фундаментальное единство в целеполагании и допустимых средствах, — таков наиболее эффективный путь выживания рода человеческого. Чрезвычайно важно воссоздать равновесие между жизнью общества и биосферой, восстановить их *коэволюцию*. Развиваться не за счет природы, а вместе с ней — таков императив нашего времени. Во имя этого социальное целеполагание не должно вступать в роковое противоречие с природной целесообразностью⁴.

А то, что культурно-цивилизационный «центр тяжести» неизбежно смещается в сторону загоризонтного Будущего, само по себе не безысходно для человечества. Дальнейшее во многом зависит от самих сегодняшних игроков на сцене мировой истории. Главное — нам самим прогрессировать быстрее и эффективней, чем возможные угрожающие процессы окружающего мира.

Конечно, принцип универсального эволюционизма в той или иной форме переплетается с другими фундаментальными принципами. Один из них — получивший современную интерпретацию философский и естественно-научный принцип *гомеомерии*. Его упрощенный вариант: в *единичном* может существовать *всё*, но в потенциальной форме. Даже в хаосе существует потенциальная тенденция самоструктурирования. Вспоминается позиция Дж. Бруно, у которого монада монад проявляется как «всё во всём». Думаю, что сам принцип гомеомерии выглядел бы осиротевшим без широко известного диалектического принципа «взаимосвязи всего со всем».

Современной масштабной иллюстрацией принципа гомеомерии на естественно-научном уровне является физический принцип так называемой зашнуровки (bootstrap principle). Его упрощенная иллюстрация такова. Уподобляя все мироздание матрешкам, вложенным друг в друга, довольно долго можно мысленно вынимать из больших матрешек все более маленькие. Но как только мы доходим до самых изначальных уровней микромира, происходит что-то необыкновенное. Теоретически «извлекая» из самых тяжелых элементарных частиц то, что в них заложено, мы получаем нечто гораздо большее, чем они сами. Это и есть эффект «зашнуровки»: не только физическое малое существует в физическом большом, но и большое в малом. На каком-то уровне мир оказывается словно вывернутым наизнанку, и постепенно от самого уникального мы начинаем восходить к самому универсальному.

Наконец, хотелось бы напомнить и такой фундаментальный принцип мироздания: *в вечности и бесконечности реализуются все возможности*. Правда, можно в нем усомниться, вспомнив знаменитую геделевскую теорему, ориентирующую на *непреодолимую противоречивость предельных проявлений Бытия*... Завершу обсуждение парадоксов постнеклассической картины мира поэтическим «пророчеством»:

Нас ждут сюрпризы, аномалии, // И как сказал один чудаки:

— В природе много «и так далее», // Но больше — «далее не так»... (см.: Воскобойников, 2004: 393).

II. Выше говорилось, что в эволюционно-историческом развитии постепенно возрастает определяющая роль не «диктата прошлого», а «зова будущего» — целеполагания и целереализации. А они все более и более зависят от свободного выбора и творческой деятельности самих субъектов. Благодаря эволюционному развитию в природных системах над физической необходимостью постепенно надстраивалась неосознаваемая биологическая целесообразность, а над ней — со временем — осознанное целеполагание. Последнее, развиваясь, восходило от уровня «осознанной необходимости» до уровня все более свободного творческого проектирования действительности (Воскобойников, 2015: Электронный ресурс).

И эти, и рассмотренные еще выше проблемы приобретают особый интерес, когда обсуждаются *ad hominem* (применительно к человеку). Мне довелось довольно долго разрабатывать проблемы, непосредственно связанные с человеком, бессознательным и осознаваемым в нем, особое внимание последнее время уделяя сверхсознанию. Системно-структурный подход (Воскобойников, 2013) позволил показать, что структура духовно-психического мира человека предстает как в *структурно-функциональных аспектах* (глубинно-бессознательном, подсознательном, предсознательном, сознательном, сверхсознательном), так и в *целостно-функциональных аспектах* (познавательном, ценностном и побудительно-волевом) (Воскобойников, 1997).

Собственно говоря, **бессознательное** включает два основных уровня — глубинно-бессознательный и подсознательный, а также общую с сознанием область взаимной переходимости друг в друга. Ее-то и можно назвать предсознательной.

В *глубинно-бессознательный уровень* входят такие основные системообразующие элементы, как инстинкты, архетипы и наиболее фундаментальные стереотипы.

Проанализируем некоторые из них. Инстинкты психофизиологичны, безобразны, стандартно однообразны, в немалой степени схожи у людей и высших животных.

Что касается архетипов, то К. Г. Юнг их уподоблял первообразам и подчеркивал, что они задаются не содержанием, а формой. Можно их считать первичными схемами первообразов (композитор В. С. Дашкевич поэтично их называл *доминантами* побудительных образов). Через эти врожденные психические формы древние люди непосредственно постигали окружающий мир и свои внутренние переживания. При этом они четко не разграничивали внутреннее и внешнее, прошлое и настоящее. Важную роль архетипы играют, априорно активизируя *воображение*. Основное местоположение архетипов — глубинное коллективное бессознательное. Но они (а точнее — их порождения) проявляются и на уровнях более высоких, чем их собственный, — в мифах, верованиях, сновидениях, бредовых фантазиях, художественном творчестве. Еще раз отмечу, что архетипы — это не сами образы, а их *психические схемы*, их *психические предпосылки*, обретающие образную «плоть и кровь» уже в зоне первобытно культурной.

Какова *специфика* архетипа? Как и инстинкт, архетип — *врожденная* структура. Но он триедин, в нем нераздельно слиты три ипостаси глубинной психической жизни — необходимость переживать, постигать и реагировать. А чем же архетипы отличаются от инстинктов?

1. Архетипы чисто психичны, в то время как инстинкты психофизиологичны.

2. Архетипы начинают рождаться только у самых высших животных.

3. Архетипы схематично формируют соответствующие прообразы. Хочется особо отметить, что выдающиеся художники и писатели зачастую непроизвольно выходили на такие архетипичные прообразы.

4. Архетипы амбивалентны (двулики): Свет — Тьма; Дом — Бездомность; Анима — Анимус (последняя пара схожа с Инь-Ян древнекитайской философии).

5. Порождаясь коллективным бессознательным, архетипы вариативно переживаются на индивидуальном уровне, персонифицируясь в более конкретные прообразы и образы. Большой интерес вызывает связь архетипов с *импринтингом*.

Со временем к звеньям эволюционной цепочки «инстинкты — архетипы» добавляется новое звено — «мифы». Но это уже не «немые» психические структуры, которые неосознанно функционируют в человеческой психике. Мифы — это уже непосредственно создаваемые и осмысливаемые людьми культурные образования, выходящие на следующий — подсознательный уровень. Итак, существуют три взаимосвязанных уровня и звена эволюционной цепочки: инстинкты и психофизиологические рефлексы; простейшие прообразы и архетипы; образы, стереотипы, мифы и идеологии.

На глубинно-бессознательном уровне все люди гораздо больше похожи друг на друга, чем на уровне подсознания, к которому сейчас перейдем. Тем не менее, скажем, самые глубинные психические ориентации у мужчин и женщин уже существенно различаются.

Подсознательный уровень имеет своей фундаментальной основой глубинно-бессознательный уровень, хотя и лежит за его пределами. Именно подсознание стало новым важнейшим этапом эволюционного развития бессознательного. На этом уровне зародились и получили дальнейшее развитие наиважнейшие психические характеристики высших животных и человека.

Видо-родовые формы психического мировосприятия в эволюционном развитии постепенно допускали все более явную реализацию своих *индивидуальных* проявлений. На первый план эволюционно-исторического развития все уверенней пробивалась человеческая *индивидуальность*. Конечно, это не могло происходить вне социальных структур. Но полностью социализированный и социально детерминированный человек, совершенно лишенный индивидуальности, не смог бы стать высоко разумным. Ведь последнее качество связано с *поисковой деятельностью* в *ситуации выбора*, когда неизбежны попытки выйти за привычные каноны.

Уже отмечалось, что подсознание имеет *предсознательный подуровень*. Он играет определенную буферную роль для взаимных переходных процессов между подсознанием и *сознанием*. Именно на этом подуровне, переходном к сознанию, радикально прогрессирует самореализация человека, формируются его свобода и креативность. Конечно же, происходящие изменения характеризовали не только самого человека, но и те социальные сообщества, в которые он входил. Ведь они были и остались многогранно сопряженными между собой.

В норме бессознательное и сознание несоизмеримо больше взаимно сотрудничают, чем противостоят. Так, бессознательное неявно вовлечено во всю познавательную деятельность, осуществляемую сознанием. Сознание бессильно что-либо познавать, если оно не опирается при этом на бессознательное. Любопытно, что в кризисных или критических ситуациях сознание человека начинает напоминать по характеру своих действий бессознательную психическую деятельность. Оно становится многомерным, одновременно разыгрывая множество сценариев возможных действий в быстро и неоднозначно меняющейся ситуации. Противоречивость уже не переживается так остро, как в «нормальное время». Важно отметить, что именно сознание благодаря морали позволяет хоть в какой-то мере гармонизировать отношения между социальными и индивидуальными ориентациями человека.

Одна из важнейших сторон духовно-психического мира человека и его эволюции — побудительно-волевая. Побуждения представляют бессознательную форму, а воля — осознаваемую. Воля выражает способность сознательно действовать даже вопреки чисто автоматическим программам поведения. Она помогает преодолеть барьер между «надо бы» и «надо». Благодаря ей человек способен активизировать предпочитаемый им выбор. Порою воля направляет к выбору того, что не очевидно или даже не очень хочется выбирать. Она выражает усилие по совместному воплощению идеи и желания в едином действии.

Говоря о *сознании* и *сверхсознании*, важно не сбиться на их чисто количественное или незначительное качественное различие. В противном случае все сведется к банальностям типа «сознание взрослого — это сверхсознание по отношению к сознанию ребенка» (или «общественное сознание — это сверхсознание по отношению к индивидуальному сознанию»).

Специфическое сверхсознательное отличается от сознательного гораздо радикальнее. Это и новый язык, и качественно новая психическая структура, и качественно новый психический процесс, и качественно новая связь с окружающим миром. Прекрасной визитной карточкой сверхсознания является сверхсознательная интуиция. Важные черты сверхсознательной деятельности проявляются в творчестве гениев.

Вообще говоря, функционирование *интуиции* демонстрирует эффективные формы межуровневых психических взаимодействий. Она помогает аналитическому методу, словно надстраиваясь над ним. При этом важно различать *подсознательную* и *сверхсознательную* интуицию (Воскобойников, 2012: 171). Первая оплодотворяет сознание человека новой ценной информацией, всплывающей без каких-то его потуг. Хотя сознание трудится над решением некоей проблемы, но масса иных проблем — больших и малых — постоянно отвлекает его внимание. Поэтому результат, полученный на подсознательном уровне, приходит оттуда в сознание неожиданно. Иное дело, сверхсознательная интуиция. Она требует полнейшего напряжения и абсолютной вовлеченности в поисковый процесс *всего целостного человека* и словно приоткрывает ему некий более многомерный срез бытия.

Продуктами подсознательной интуиции становятся *догадки*, восполняющие пробелы в наших знаниях и опирающиеся в значительной мере на прошлый опыт и рутинный перебор возможных вариантов. Плоды *сверхсознательной интуиции* качественно иные. Она приносит принципиально новые знания, которые никак не выводимы из прежнего опыта и общепринятых парадигм. Вероятно, к этим новым знаниям можно приложить сартровское выражение, сказав, что они *не проекция*, они *проект* (они не проекция прежних парадигм, а проект новой). Познание на уровне сверхсознания часто имеет неалгоритмическую природу.

Но не разрывает ли сверхсознательная интуиция историческую преемственность в науке и культуре? Отнюдь! Она отказывается не от *прошлого*, а от *прошлого понимания прошлого*, предлагая совершенно новое, более глубокое понимание. Это новое понимание обладает гораздо большей универсальностью. Оно включает в себя прежнее понимание как свой «частный случай» (по методологическому принципу соответствия). Поэтому связь прошлого с настоящим только возрастает, получая более глубокое и универсальное обоснование. А человек обретает при этом новые степени свободы.

На осознаваемом уровне возникает такая наиважнейшая проблема целостного человека, как смысл жизни. Главное для него — не найти, а *сотворить* этот смысл. Найти можно удачное решение научной проблемы, саму проблему, хорошую работу, кошелек. Это лики обыденного бытия. А сотворить смысл *своей* жизни — глубоко внутренняя экзистенциальная проблема.

Встречаются люди, которые никогда не искали смысл жизни. Они, как правило, инфантильны и беспечны. Встречаются люди, которые раз и навсегда нашли смысл жизни в чем-то вполне определенном и на этом успокоились. Но есть и такие люди, которые всю свою жизнь мучительно постигают ее таинственные основы и горизонты. Для них *первичным* смыслом жизни становится сам этот поиск. Один из нравственных парадоксов: чем выше и дороже смысл жизни, тем больше он выходит за ее пределы и легче за него даже умереть. Но с чего начать свое восхождение к высшему смыслу? «Начну с малого...» — может сказать себе человек. Забота о другом существе сразу наполняет жизнь значительным смыслом. Ведь переживание того, что ты кому-то необходим, — одна из предпосылок счастья. Сделай правильный (праведный) выбор и будь в ответе за него и свои деяния. Совершенствуй себя, становясь добрее, мудрее и творчески инициативней. Старайся отдавать больше, чем брать, но нисколько не кичись этим. Лев Толстой своеобразно сравнивал человека с математической дробью. Сделай это чуть по-своему. В знаменателе весь-

ма условно учти все то, что ты потребил или позаимствовал у других. А в числителе помести все то, что сам создал доброго и хорошего для окружающего мира, других людей, причем не только самых близких. Многие люди по этой простенькой арифметике не дотягивают до «единицы», не реализовав себя как личности. Именно таких людей имел в виду Э. Фромм, когда писал, что многие умирают, так и не успев родиться. Стремись оставить «чекан души» (Саади), воплощаясь в кого-то и во что-то. Пусть это будет своеобразная реинкарнация, но содеянная самим собой. Итак, иди за тем, что зовет ввысь, словно приподнимаясь над повседневностью и самим собой.

Совсем по-другому проявляет себя даже незначительно «расщепленная» психика, когда человек воспринимает реальный мир мелко, бессистемно. Он не различает глубинные существенные связи между причинами и следствиями, прошлым и будущим, формой и содержанием, возможностью и действительностью. Все это для него становится либо «одним и тем же», либо «совершенно разными вещами».

Человек — открытое, незавершенное существо. Однако он — не ошибка Природы или Создателя, не досадная опечатка в великой книге жизни. Он одновременно — проекция своего прошлого и самореализуемый проект своего будущего. Он не застывшая данность, а вечно устремленный в неведомые дали процесс. Он многогранен, как никакое иное известное живое существо.

Объем статьи не позволяет всесторонне рассмотреть все этапы и черты психического и культурного развития человека. Некоторые важные аспекты представлены в предыдущих публикациях и специальной монографии. Дальнейшее изложение будет в основном связано с проблемой творчества. Гетевский Фауст пришел к заключению, что нет ничего выше «творческого труда». Именно в момент творчества он восклицает: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!»

Но до анализа творчества выделяю еще один аспект философской антропологии. Крайне важно развивать ее *практический* вариант — концепцию многосторонней духовной поддержки человека в кризисных ситуациях. Следуя заветам и жизненному примеру Канта, подготовил философско-психологическую программу практической помощи человеку в критических душевных ситуациях. Соответствующие занятия проводились с социальными работниками в Москве (Воскобойников, 1997), а обмен опытом — с коллегами в Германии (г. Бон, 1991), Франции (г. Анже 1992, 1993) и Испании (г. Барселона 1992). Также разработал оригинальный вариант арт-терапии и артгипноза с использованием музыки, живописи и поэзии.

III. Уже говорилось, что генезис, беспредельно царивший в универсальной эволюции, начинает передавать часть своих «полномочий» телезису. Показателен в этом и выход на авансцену эволюционного развития таких новых фигурантов, как *свобода* и *творческая деятельность*. Будущее для них — важнейший ориентир и незаменимая ценность.

Путь к все большей свободе — это путь от внешней принудительной детерминации к все большей самодетерминации и целеполаганию. Быть свободным не означает не подчиняться логике, быть свободным — значит проектировать самого себя. Чем свободнее тот или иной субъект, тем больше он в своих действиях и поступках ориентируется (не забывая об общих ценностях и целях) на свои собственные предпочтения, свою программу действий. Только тогда, когда человек соучаствует

в творческом процессе, для него возможен скачек из царства необходимости в царство свободы.

Творчество, эффективно реализуя свободу, словно окрыляет ее. Творческая деятельность, отличаясь от репродуктивной, по самой своей природе нацелена на рождение доселе не существовавшего *нового* и изначально ориентирована на *будущее*. По словам Ф. Баррона, если в XX в. больше всего превозносился «человек разумный», то XXI в. будет жить под знаком «человека творческого». И действительно, постепенно наступает время *креатосферы* — *мира сотворчества*, в котором солидарные творческие узы будут преобладать в личной и общественной жизни, связуя каждого со всеми.

Основоположник кибернетики Н. Винер считал, что ученый, писатель или артист должен испытывать такую непреодолимую страсть к творчеству, что даже если бы ему ничего не платили, он был бы готов сам платить за возможность воплощать задуманное. Творчество требует полной, порою даже жертвенной самоотдачи.

Человеку легче вверять свою жизнь судьбе, уподобляться некому безропотному «винтику», а не свободной целеполагающей творческой личности. У творческого человека, как правило, становится творческим даже стиль его жизни. Он стремится открывать самые глубинные смыслы, избегать общепринятых стереотипов, постигать рациональное и иррациональное как в себе, так и во всем окружающем. Именно творческая деятельность позволяет человеку наиболее успешно самореализоваться, приблизиться к уровню своего идеализированного «я». В то же время у творческого человека развивается отношение к своей жизни как неразделимо сплетенной с мирозданием.

Чтобы увидеть изучаемую проблему с творческой высоты, на эту высоту необходимо подняться. Путь лежит через всестороннюю общую культуру, эрудицию самого высокого качества и опирается на твердые нравственные принципы. Правда, последнее требование вызывает бурные споры... Может ли быть творческим порочный человек? Можно ли творчески вершить зло? Невозможно ответить на эти вопросы однозначно, добившись общего согласия. Однако ясно, что полнокровному творчеству, творчеству с большой буквы нереально отдаваться урывками или параллельно с другими занятиями. Оно требует полной самоотдачи, включая нравственный потенциал.

Хотя творчество в науке и искусстве имеет схожие черты, оно обладает и бесспорной специфичностью.

Научное творчество — это наиболее развитая форма научного познания и познавательной деятельности. Оно в большей мере связано не с многознанием (хотя это тоже важно), а с *мудростью* — умением безошибочно выделять самое существенное, открывая в единичном черты всеобщего.

Творческий исследователь не только воспроизводит нечто существующее актуально. Он также прогнозирует потенциальное и проектирует виртуальное. Обычной двухзначной или даже многозначной логики зачастую не хватает для творческого взлета мысли. Научное творчество характеризуется способностью не избегать возникающих логических и эпистемологических противоречий, а напротив, концентрировать основное внимание именно на них. Как правило, противоречия снимаются на более высоком (глубоком) сущностном уровне через синтез, который

открывает ранее неведомый *единый лик многообразия*... Человек талантливый решает подобные проблемы лучше очень многих. Гений же, как известно, решает проблемы, которые до него не видел и не решал никто другой. Нередко творчески решить проблему означает выявить и преодолеть ее наиболее важное противоречие.

Острые дискуссии вызывают ценностные аспекты научного творчества. К ним, в частности, относится выбор из исследуемых задач самой актуальной и наиважнейшей. Конечно, это может быть как выбор одного ученого, так и совместный выбор сообщества ученых. В идеале подобный выбор опирается на высшие общечеловеческие ценностные ориентации.

Кроме того, любая наука, стремясь к самоосмыслению, выходит за пределы себя самой и рассматривает себя с позиции более масштабной, чем она сама. Этим могут заниматься, скажем, философия физики, философия математики, философия семиотики и т. п.

В *художественном творчестве* сплетены основные виды человеческой деятельности. Оно позволяет постигать мироздание в образно-чувственной форме, синтезируя как рациональные, так и эмоциональные представления. В отличие от научного творчества, в котором анализ чаще всего предшествует синтезу, в художественном творчестве синтетическая целостность первична. Художественная мысль — это мысль-страсть. Она отражает сопричастное отношение к объекту. Потребностью в фантазии художественное творчество перекликается с творчеством научным. Как уже говорилось, одним из наиболее плодотворных источников творческих открытий является сверхсознательная интуиция. Особенно ярко она реализуется в творчестве гениев. Но их творчество представляет интерес и многими другими особенностями.

Подобно тому, как о женской беременности могут писать не только женщины, но и мужчины, рискну порассуждать о гениальности, которой вовсе не наделен. Можно ли стать гением?

Отвечу сразу: *стать* гением невозможно. Для этого важно изначально обладать врожденными сверхспособностями. Можно стать (сделать себя), в какой-то мере, талантливым. Однако это зависит не только от самого человека, но в определенной мере и от тех или иных благоприятных социокультурных факторов и жизненных обстоятельств. А вот *подражать гению* в чем-то очень важном, вдохновляться его идеями и деяниями — дело благородное и продуктивное.

При этом важно понимать, что гениальность и талантливость отличаются еще радикальнее, чем мудрость и многознайство. Подлинные гении встречаются крайне редко. Но мгновения гениальности (гениальные прозрения) посещают каждого человека. А для гения такие моменты — нормальные, привычные состояния всей его жизни. Для человека обыкновенного — это редкостные взлеты его души. Ох, как важно не пропустить эти моменты...

Каковы же характерные черты творческой деятельности гения? Прежде всего, это уже отмеченная выше *сверхсознательная интуиция*, а также *творческий синтез* и *безмерная свобода*, присущие его мастерству. Гений преодолевает казавшиеся совершенно непреодолимыми границы, ибо обуреваем неутолимой, страстной жаждой творчества. Бесспорно, что творчество гения — это предельно высокая форма творчества. Он понимает, чувствует и переживает то, что лежит за горизонтом обыкновенного мировосприятия, стандартного осмысления, обыденных пред-

ставлений. Но, кстати говоря, таково и высшее назначение философии. Она — разведчица того, что лежит за горизонтом любого познания и переживания. Мировая философия, как некий коллективный дух, порою становится общечеловеческой творческой интуицией. Любой человек в своей целостности триедин, ибо переживает, познает и действует. А у людей способных и талантливых эти формы жизнедеятельности достигают высокого творческого уровня.

Правильно ли считать творческим любое познание? Конечно, нет! Простое поглощение новой информации — это в основном потребительский процесс. Ведь он сводится к примитивному перевариванию «информационных консервов», изготовленных другими. Уже говорилось, что важно также различать *творчество* и *высокий ремесленный профессионализм*. А. С. Пушкин в драме «Моцарт и Сальери» прекрасно анализирует две позиции: первая представлена профессионалом Сальери, который стремится подчинить творчество логике («алгеброй гармонию поверить»); вторую олицетворяет Моцарт, творящий нечто потрясающе новое.

Творческое познание всегда носит *индивидуализированный личностный* характер. Оно задыхается в атмосфере массовой культуры, которая пичкает людей разжеванными стереотипными ответами даже на экзистенциальные вопросы. И что особенно важно — творческое познание не избегает логических и эпистемологических *противоречий*. Напротив, оно концентрирует основное внимание именно на них, на том, что *парадоксально*. Популярным слоганом стали строки неоконченного стихотворения А. С. Пушкина: «О сколько нам открытий чудных // Готовит просвещения дух, // И опыт, сын ошибок трудных, // И гений, парадоксов друг...»

Зачастую противоречия снимаются на более высоком (глубоком) сущностном уровне. Это происходит благодаря неожиданному синтезу, который открывает единый лик ранее неведомого многообразия. Н. А. Бердяев в работе «Смысл творчества» подчеркивал, что гениальность всегда есть универсальное восприятие вещей, универсальный порыв к иному бытию. Мудрый человек решает подобные проблемы лучше многих людей. Гений же решает проблемы, которые вообще не видел и не решал никто другой. В чеканной форме выразил подобную мысль Шопенгауэр: талант попадает в цель лучше всех, а гений попадает в цель, которую никто даже не мог вообразить! Неправдоподобно, но убедительно звучало заявление Моцарта, что он сразу целиком слышит свою новую симфонию. Или Пикассо: «Я не ищу, я нахожу!»

В творческом поиске гений максимально сосредоточен на том, что приоткрылось и озарило его своей новизной, своей ассоциативной многоликостью, своей загадочной *остраненностью*... Остранение переживается как неполнота наличного бытия и предчувствие иного Бытия, на порядок более высокого. Оно ускользает от всего привычного, оно сверхсознательно, сверхнеобычно и чем-то мне напоминает психический вариант «странного аттрактора» (некую художественную неопределенность, многозначность мира замыслов, вымыслов и фантазий). Вновь вспоминается знаменитая теорема Геделя: проблемы, не разрешимые в (n)-ном измерении, разрешимы в ($n + 1$)-м измерении. И тогда, думаю, любая непреодолимая противоречивость предельных проявлений Бытия может получить решение в принципиально более высоком Инобытии.

Сверхсознательная интуиция, в основных чертах рассмотренная ранее, доступна преимущественно гениальным или очень талантливым натурам. Она помогает им

взойти на *сверхсознательный* уровень. Но при этом также необходимы: а) максимально целостная концентрация на проблеме (целостность познавательных, эмоционально-чувственных и побудительно-волевых ресурсов); б) предельная активизация ассоциативности. Образ бензольного кольца пришел к А. Кекуле, когда он в полусонном состоянии сидел в кресле перед пылающим камином. Ему смутно явились две змеи, причем одна из них изогнулась в кольцо; в) взаимодействие всех сфер духовной культуры (науки, искусства, морали, сферы трансцендентального). Как известно, Эйнштейн был вполне приличным скрипачом, а также говорил, что Достоевский ему дал больше Гаусса; г) прорыв к более высокому уровню бытия. Сверхсложную проблему следует решать, рассматривая ее с метаязыка. Так, скажем, возникали неевклидовы геометрии, обобщая евклидовы и словно надстраиваясь над ними из более высоких измерений; д) креативно-проективная деятельность, порождающая немисливо оригинальные идеи. Гении зачастую не открывают уже существующее, но сокрытое, а создают то, что вообще не существовало. Другими словами, они не воссоздают, а порождают. Н. Бор, возглавлявший один из самых авторитетных в мире научных журналов, отклонял многие статьи, считая, что они «недостаточно безумны, чтобы быть верными».

Родиться гением — это еще далеко не все. Гению важно социокультурно самоутвердиться. Говорят, что гении довольно часто «падают с неба» (кстати говоря, и безумцы тоже). Но, как правило, разбиваются. Нужна благодатная социокультурная «почва». Ведь творческая деятельность в значительной мере обусловлена *объективными* факторами, определенными культурными и общественно-историческими процессами. А они неотделимы от таких *субъективных* факторов, как обостренная личностная мотивация творческого человека, его интеллектуальная сверхразвитость, необузданное воображение, богатая фантазия. Важную роль играет психофизическое здоровье высокотворческой личности. Разнообразие интеллектуальной «нормы» и отклонений от нее хорошо демонстрирует «кривая Гаусса». Схематично гении и безумцы дальше всего расположены от «нормы» (хотя и по разную сторону от нее). Но иногда безусловная граница становится условной или практически исчезает. Ведь, по словам Сенеки, «не было еще гения без некоторой доли безумия». Впрочем, цифры говорят сами за себя: более 78% гениев обладали некоторыми психическими отклонениями «от нормы», а 37% из них перенесли это в обостренной форме.

Гений дает пример наиболее плодотворной реализации потенциала *свободы*. Безмерная свобода позволяет ему творить при любых обстоятельствах, возвышаясь над ними. В то же время это не безусловная свобода. Ее обуславливают нравственные принципы. Поэтому могут существовать как добрые, так и «злые гении» (кавычки здесь не случайны!). В связи с этим интересны соображения Э. Фромма о позитивной свободе («свободе для») и негативной свободе («свободе от»).

Уникальное «я» гения радикально отделено от «я» других людей. Очень часто гений общается с «другими» только посредством своих творений. Неминуемое *одиночество* — такова его обычная участь (Воскобойников, Рашидова, 2010). Ведь мало кто его понимает и приемлет из окружающих людей. Он «свой» человек будущего среди «чужих» ему современников⁵. Им он нередко кажется смешным чудачком, неприспособленным к жизни неудачником, ищущим скандальной славы авантюристом. Как это ни трагично, первопроходца нередко считают проходимцем. Гений

сливает свое саморазвитие с развитием всего человечества. Это его выделяет из числа других людей и приводит к разрыву с современниками, сближая с людьми будущего. Одиночество становится необходимым условием развития и полной реализации всех его способностей. В проявлении одиночества гения есть, с одной стороны, нечто отрешенное от обыденной действительности, а с другой — нечто высшее и глубокое, сплетенное с самими основаниями бытия. Гений словно мыслит неким «общечеловеческим сознанием», но переживает при этом предельно уникальную глубинность, на которой имманентное смыкается с трансцендентальным.

В восприятии и воспроизведении мира есть прямая и обратная перспектива. Они проявляются и в культурно-исторической форме. Многие, очень многие события и персоны, уносимые рекой времени, становятся все меньше и незначительней. Но подлинны гении, благодаря обратной перспективе, со временем обретают все большую значимость и мощь.

Каким хотелось бы представить идеального человека Будущего? Надеюсь, что он, являясь творческой личностью, достигнет уровня гениальности Эйнштейна, нравственного благородства Ганди и деятельностного самопожертвования Швейцера. Но это возможно лишь в одной из лучших версий будущего, которое таит и весьма трагические варианты.

Что произойдет на самом деле, во многом зависит и от нас самих — современных участников универсальной эволюции в земном масштабе...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У истоков научно ориентированного универсального эволюционизма (особенно в отечественном варианте) стоял академик Н. Н. Моисеев (1917–2000), который еще в начале 90-х годов XX в. развивал его основные положения, связывая их с фундаментальной экологической проблематикой.

² Например, фрактальную структуру имеют обсуждаемые далее «странные аттракторы».

³ «Странные аттракторы» задают ситуацию почти полной неопределенности. Основные процессы протекают в зависимости не от исходных обстоятельств, а от неявных целей. Финальное состояние, именуемое аттрактором, — своеобразная зона процессуального втягивания. На вторую половину XXI в. выпадает многофакторная сингулярность и возможный переход земной эволюции к принципиально новым сценариям развития.

⁴ Приходится радоваться хотя бы успехам местного значения. Наш университет — МосГУ — не только облагораживает около 60 гектаров своей территории, но и, следуя экологической концепции академика Н. Н. Моисеева, его соратников и учеников, делает многое для реализации подобных идей в несравненно большем масштабе.

⁵ Стало популярным соображение, что Леонардо да Винчи — это обыкновенный человек, но из далекого будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскобойников, А. Э. (1997) Бессознательное и сознательное в человеке. М. : Институт молодежи. 202 с.

Воскобойников, А. Э. (1997) Философия духовной поддержки // Российский журнал социальной работы. № 1. С. 18–23.

Воскобойников, А. Э. (2004) Концепции современного естествознания. М. : Национальный институт бизнеса. 403 с.

Воскобойников, А. Э. (2012) Творческое познание и интуиция // Философия в современном мире: диалог мировоззрений : материалы VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Т. 3. 377 с. С. 171.

Воскобойников, А. Э. (2013) Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 4. С. 35–66.

Воскобойников, А. Э. (2015) Универсальная эволюция в земном масштабе [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 3. С. 51–63. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/34> (дата обращения: 10.10.2017). DOI: 10.17805/trudy.2015.3.6

Воскобойников, А. Э., Рашидова, Т. Р. (2010) Понятие «одиночество» сквозь призму философских категорий // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 201–206.

Дата поступления: 20.12.2017 г.

THREE IN ONE: THE UNIVERSE – HUMAN – CREATIVITY

A. E. VOSKOBOYNIKOV

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper represents the text of the author's speech at the all-Russian scientific conference "Culture between the Logos and Myth: on the Issue of the Unconscious" (on the eightieth birthday of A. E. Voskoboinikov), which was held at Moscow University for the Humanities on 26–27 October 2017.

Keywords: universal evolution; philosophical anthropology; psychological anthropology; philosophy of creativity; culture; logos; evolutionism

REFERENCES

Voskoboinikov, A. E. (1997) *Bessoznatel'noe i soznatel'noe v cheloveke*. Moscow, Institut molodezhi. 202 p. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (1997) *Filosofia dukhovnoi podderzhki. Rossiiskii zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 1, pp. 18–23. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (2004) *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniia*. Moscow, Natsional'nyi institut biznesa. 403 p. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (2012) *Tvorcheskoe poznanie i intuitsiia*. In: *Filosofia v sovremennom mire: dialog mirovozzrenii : materialy VI Rossiiskogo filosofskogo kongressa*. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo. Vol. 3. 377 p. P. 171. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (2013) *Sistemnye issledovaniia: bazovye poniatia, printsipy i metodologiya*. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4, pp. 35–66. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (2015) *Universal'naia evoliutsiia v zemnom masshtabe*. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 3, pp. 51–63 [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/34> (access date: 10.10.2017). DOI: 10.17805/trudy.2015.3.6

Voskoboinikov, A. E. and Rashidova, T. R. (2010) *Poniatie «odinochestvo» skvoz' prizmu filosofskikh kategorii*. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 201–206.

Submission date: 20.12.2017.

Воскобойников Анатолий Эммануилович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: + 7 (495) 374-55-11. Эл. адрес: Laer_tino@mail.ru

Voskoboynikov Anatoliy Emmanuilovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Philosophy, Cultural and Political Science, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: + 7 (495) 374-55-11. E-mail: Laer_tino@mail.ru